

ABOUT THE RATIO OF PREDICATIVE AND FULL PARTICIPIAL FORMS OF RUSSIAN VERBS AND THE METHOD OF THEIR TRANSMISSION INTO PERSIAN

Mehrabi Qaysar^{1*}

Assistant professor at the Department of Russian Language, Faculty of Literature,
Alzahra University,
Tehran, Iran.

(date of receiving: December, 2022; date of acceptance: June, 2023)

Abstract

The predicative forms of the verb and participle, when functioning in the text, represent a certain set that the language needs to ensure its communicative task. The article deals with the problem of interchangeability of syntactic constructions with homogeneous verb forms (participial and predicative) in Russian and their equivalents in Persian. The functional dependence of the transformational potential of participial constructions on the contextual conditions of their use is also established, as a result of which a picture of possible Persian equivalents of the real and passive forms of Russian participles with a variety of their uses emerges. The implementation of transformational substitution of participles with predicative forms of verbs in lessons of Russian as a foreign language helps students to better understand the meaning of participles and participial phrases, and thereby it becomes possible for them to better understand the grammatical meaning of the original construction.

Keywords: Russian, Persian, Participial Constructions, Predicative Constructions, Synonymic Relations, Russian as a Foreign Language, Comparative Studies

1. E-mail: qmehrabi@alzahra.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9150-0091> * Corresponding author

О СООТНОШЕНИИ ПРЕДИКАТИВНЫХ И ПОЛНЫХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ И СПОСОБА ИХ ПЕРЕДАЧИ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

Мехраби Кесарь^{1*}

Старший преподаватель, кафедра русского языка, факультет литературы,
Университет Аль-Захра,
Тегеран, Иран.

(дата получения: декабрь 2022 г.; дата принятия: июнь 2023г.)

Аннотация

Предикативные формы глагола и причастия при функционировании в тексте представляют собой некоторое множество, в котором язык нуждается для обеспечения своей коммуникативной задачи. В статье рассматривается проблема взаимозаменяемости синтаксических конструкций с разнородными глагольными формами (причастными и предикативными) в русском языке и их эквивалентами в персидском. Устанавливается также функциональная зависимость трансформационного потенциала причастных конструкций от контекстуальных условий их употребления, в результате чего вырисовывается картина возможных персидских эквивалентов действительных и страдательных форм русских причастий с самыми разными их употреблениями. Осуществление трансформационной замены причастий предикативными формами глаголов на уроках по обучению РКИ помогает студентам лучше понять смысл причастий и причастных оборотов и тем самым им становится возможно лучше понять грамматическое значение исходной конструкции.

Ключевые слова: Русский Язык, Персидский Язык, Причастные Конструкции, Предикативные Конструкции, Синонимические Отношения, РКИ, Компаративистика.

1. E-mail: qmehrabi@alzahra.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9150-0091> * Ответственный автор

Введение

В вузах Ирана на уроках русского языка принято переводить «Причастие» как *صفت فعلی* (дословно: глагольное прилагательное), что означает сочетание двух частей речи «глагола + имени прилагательного» в одном слове. Однако такое понимание этой эксклюзивной гибридной части речи нужно рассматривать более тщательно в переведенных текстах русской художественной литературы на фарси (предпочтительно непосредственно переведенных с русского языка – без языка-посредника).

Проблема взаимоотношений атрибутивных и предикативных форм глагола в русском языке вызывает у исследователей много вопросов. Значительная часть дискуссионных вопросов в этом отношении проявляется в «расширении грамматического (а иногда и семантического) содержания причастных групп при функционировании их на уровне текста» (Волынец 1992. 43). В выражении отношений между субъектом, объектом и действием участвуют не только предикативные формы глагола, но и формы причастий. На первый взгляд, кажется, что особых отличий между употреблением глагола и образованной от него причастной формы нет. Однако залоговые характеристики причастий на уровне текста претерпевают существенные изменения, что выявляется при трансформационной замене атрибутивной конструкции предикативной.

Причастия, как и предикативные формы глагола, также обладают двумя залогами – действительным и страдательным. Как в личных и инфинитивных глагольных формах, так и в причастиях формы действительного залога указывают на то, что определяемое лицо или предмет выступают в качестве производителя действия, а формы страдательного залога указывают на то, что определяемое лицо или предмет подвергаются действию, обозначаемому глаголом. Однако между страдательными формами причастий и личными формами существует различие: «страдательные формы причастий

теоретически возможны у всех переходных глаголов, в то время как личные и инфинитивные страдательные формы образуются, как правило, лишь у переходных глаголов несовершенного вида» (Милославский 1981. 226).

Цель нашего исследования – представить посредством трансформации в предикативные формы информационно значимые характеристики причастных форм при их переводе на фарси и показать их эксклюзивное место среди русских частей речи путём перевода.

Материал для исследования мы выбирали методом сплошной выборки, это примеры из художественной литературы – произведений А. Чехова («Драма на охоте»; перевод Олега Хачатурьяна) и М. Булгакова («Четыре портрета» и «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева»; перевод Махназ Садри), переведенных с русского языка на фарси.

Функциональный подход к интерпретации русских причастий и их персидских эквивалентов намечен в исследованиях, однако системное описание текстовой реализации категориальных залоговых значений путём сопоставления практически отсутствует. Этим объясняется актуальность нашего исследования.

Основная часть

Синонимические отношения между синтаксическими конструкциями с разнородными глагольными формами (причастными, с одной стороны, и предикативными – с другой) издавна привлекает внимание исследователей (М.В. Панов, А.А. Камынина, О.Е. Иванова, Н.М. Лисина, Г.Ю. Вострецова, Г.А. Золотова, Т.Н. Волынец и др.). Способность замещения причастных форм предикативными (типа *играющий на рояле мальчик* → *мальчик, который играет на рояле*) создает представление об их абсолютной синонимичности и трансформируемости. Однако на текстовом уровне такое представление разрушается, поскольку причастная форма оказывается связанной с другими

языковыми единицами и под их влиянием нередко теряет свои трансформационные возможности. Трансформационные отношения, устанавливаемые между причастиями и предикативными формами глаголов – это единственный показатель возможностей языковой системы, при помощи которого, анализируя данные отношения, можно понять суть значения грамматических и семантических категорий, функционирующих в составе синтаксических конструкций.

В современном русском языке грамматическая категория залога оформляет устанавливаемые говорящим субъект и предикат суждения. Говорящий приписывает носителю предикативного признака соответствующий предикативный признак в соответствии с залоговыми моделями, предоставляемыми системой языка. И дело даже не в том, что одну и ту же ситуацию можно представить с разных точек зрения (чаще всего представляют актив / пассив), смысл предикативности заключается в выборе говорящим одной типизированной модели, наиболее подходящей для языкового выражения ситуации реального мира. Другой вопрос, который стал поводом для научных дискуссий среди русских лингвистов, знание того, что в образовании залоговых форм как в морфологии, так в синтаксисе, какая форма залогов является исходной? П.А. Лекант считает, что при образовании залоговых форм исходной является форма действительного залога, от которой образуются формы страдательного залога. При этом характер образования формы страдательного залога зависит от вида глагола и типа глагольной словоформы (спрягаемая она или атрибутивная) (Лекант 2001. 324).

В системе полных причастий залоговые формы противопоставляются друг другу более формально и ярко, чем в системе финитных глагольных форм, полные страдательные причастия также способны образовывать пассивную конструкцию и, следовательно, тоже входят, по образному выражению В.В. Виноградова, в «клубок» русских залоговых проблем. Полные причастия не

выступают в предикативной позиции, но «если и выступают в предикативной позиции, то, как правило, в сочетании либо с полужнаменательными глаголами (*казаться / показаться, отказаться / отказываться, стать / становиться, остаться / оставаться*), либо с глаголами, обозначающими существование, движение, восприятие» (Богданов 2007. 526).

Причастие определяется как атрибутивная форма глагола, которая по морфологическим значениям и по образованию противопоставляется предикативным (спрягаемым) формам глагола. «Атрибутивные формы глагола <...> совмещают в себе значения двух частей речи: причастия – значения глагола и прилагательного (то есть значения действия и собственно определительное) <...> Атрибутивные формы глагола вместе с его предикативными формами и инфинитивом образуют глагольную парадигму <...> Причастие – это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, то есть значения действия и собственно определительное: *горящий (костер), пронизывающий (ветер), потрескавшаяся (земля), опаленное (знаное лицо), запертые (двери)* (Русская Грамматика 1980. 665). В русистике точка зрения, определяющая причастие как форму глагола, является господствующей, что отразилось в различных учебниках и учебных пособиях, как школьных, так и вузовских (разумеется, мы приводим только малую часть примеров определения причастия): «Причастие – это форма глагола, которой присущи признаки глагола и признаки имени прилагательного, поэтому причастия иногда называют отглагольными прилагательными» (Галкина-Федорук 1964. 178). «Причастие следует рассматривать как форму глагола <...> в основе противопоставления причастий личным формам глагола лежит номинативный элемент значения. Личные формы фиксируют действие как предикат, а причастие – не как предикат, но как признак. То, что причастие обладает морфологическими категориями рода и падежа, не мешает считать причастие глагольной

словоформой» (Милославский 1981. 225–226) <...> И причастие, и спрягаемые формы глагола входят в одно слово: глагол. Они позиционно распределены. Причастия непосредственно зависят в своих изменениях от существительного. Спрягаемые формы зависят от местоимений – подлежащих. Таким образом, они позиционно чередуются. Имеют право быть в пределах одного слова (Панов 1999. 118). Причастие – атрибутивная глагольная форма, сочетающая категориальные свойства глагола и прилагательного (Костомаров, Максимов 2003. 475). Несмотря на то, что точка зрения на причастие как на «особую» форму глагола была высказана в большинстве изданий учебной и справочной литературы, имеются и альтернативные точки зрения на грамматическую природу причастия, эта точка зрения высказана и в изданиях учебной литературы В.В. Бабайцевой: «причастие – самостоятельная часть речи, которая обозначает признак предмета по действию, объединяет в себе свойства глагола и прилагательного» (Бабайцева 2003. 173).

Как известно, залоговая коррелятивность глагольных форм выявляется при соблюдении следующих условий: а) в активной и пассивной конструкциях должна отражаться одна и та же коммуникативная ситуация, но с разным коммуникативным статусом её участников; б) в активной конструкции центральную грамматическую позицию подлежащего должен занимать субъект действия, в пассивной же на синтаксическое место субъекта действия перемещается объект (Богданов 2007. 431).

При переводе причастий, ввиду отсутствия такой самостоятельной части речи в персидском языке, переводчики употребляют соответствующий глагол, который, как раз, появляется при трансформации. Однако есть и случаи, когда перевод грамматически полностью отличается от той формы, которую встречаем в исходной или преобразованной конструкции. Причастный оборот или одиночное причастие в большинстве случаев соотносимы по смыслу с глаголом, от которого образовано причастие. Информационно значимыми

характеристиками переведенных на персидский русских причастий при текстовой интерпретации, на наш взгляд, являются следующие: а) наличие / отсутствие трансформационных отношений с предикативными формами глаголов; б) характер качественных изменений, происходящих внутри причастных форм под влиянием строевых компонентов текста.

Модификация категориальных залоговых значений наблюдается в текстах различных стилистических систем и встречается как у действительных, так и у страдательных причастий. На этом основании мы установили, что: а) действительные причастные формы, включённые в текст, могут быть семантическими и грамматическими коррелятами предикативных форм: 1) образующих возвратных и невозвратных глаголов (атрибутивные формы), 2) адъективированных причастий (адъективация), 3) субстантивированных причастий (субстантивация); б) полные страдательные причастные формы, включённые в текст, могут быть семантическими и грамматическими коррелятами предикативных форм: 1) образующих возвратных и невозвратных глаголов (атрибутивные формы), разворачиваемых в направлении одной или двух (обычно противоположных по видовым или залоговым значениям) глагольно-предикативных конструкций, 2) адъективированных причастий (адъективация).

Действительные причастия настоящего и прошедшего времени

1. Причастия действительного залога настоящего и прошедшего времени, за исключением некоторых случаев, в принципе не создают трудностей ни при трансформации в глагольную форму, ни при переводе на персидский язык. При трансформации, главным образом, они приобретают исходную форму создавшего причастие глагола в сочетании с союзным словом *который*, а при переводе они практически соответствуют преобразованный глагол по грамматическому значению:

Причастия действительного залога настоящего и прошедшего времени:

Узкие лбы, не видящие ничего дальше своего носа. → Узкие лбы, которые не видят ничего.

احمق‌هایی که هیچ دورتر از بینی خود نمی‌بینند.

Впившись своими сонными, никогда не моргающими глазами в книгу, он шевелил губами и хмурился. → Впившись в книгу своими сонными глазами, которые никогда не моргают, он шевелил губами и хмурился.

وی درحالی‌که چشم‌های خواب‌آلود خود را که هیچوقت پلک‌های آن روی هم نمی‌آمد به کتاب دوخته بود، لب‌های خود را می‌جنباند و روی خود را درهم می‌کشید.

– Будет вам! крикнул Урбенин собачонкам огненного цвета, мешавшим ему своими ласками закурить папиросу. → ... огненного цвета, который мешал ему своими ласками закурить папиросу.

اوربنین به سگ‌های خرمایی رنگ، که نمی‌گذاشتند سیگارش را روشن کند، گفت: بسه دیگر!

В приведенных выше двух примерах переведенное на фарси причастие действительного залога настоящего и прошедшего времени является либо глаголом настоящего времени (нمی‌بینند), либо глаголом прошедшего времени (روی هم نمی‌آمد), а для причастия прошедшего времени – эквиваленты совпадают (нمی‌گذاشتند). Относительно других же случаев нами зафиксировано преобладающее большинство в употреблении глаголов прошедшего времени.

Нами зафиксировано множество примеров с возвратными причастиями действительного залога, которые, как правило, при трансформации преобразуются в возвратные глаголы, а при переводе мы не заметили отклонения от нормы, то есть они выражаются «непереходными» глаголами:

Я купил его вместе со ... всем вообще хозяйством, оставшимся после покойника. → Я купил его вместе со ... всем вообще хозяйством, которое осталось после покойника.

من طوطی را با ... سایر اشیاء مورد لزوم خانه که از بازپرس مرحوم باقی مانده بود، اتباع نمودم.

Видимо, его раздражало присутствие постороннего лица, высокого мужика-бородача, стоявшего перед сундуком и тщетно старавшегося завязать беседу.

به قرار معلوم حضور شخص بیگانه یعنی دهاتی قدبلند ریشویی که در مقابل صندوق ایستاده بود و بیهوده می‌کوشید سر صحبت را باز کند، دلتنگش می‌ساخت.

И борода Карла Маркса, помещавшегося прямо против меня рядом с картой железных дорог на стене, вовсе не так уж огромна, как это принято думать.

و ریش کارل مارکس هم که پرتره‌اش درست روبروی من و در کنار نقشه خطوط راه‌آهن روی دیوار آویزان بود، آنقدرها هم که همه فکر می‌کنند، بلند نیست.

2. В ряде случаев мы заметили нарушения грамматической эквивалентности в переводе либо отсутствие перевода, когда действительное причастие настоящего времени преобразуется в образующий глагол, но у переводчика теряет свою значимость ввиду невозможности перевода смысла:

Надоели все эти таинственные убийства и необыкновенная находчивость допрашивающих следователей. → находчивость следователей, которые допрашивают.

خوانندگان ما از تمام قتل‌های اسرارآمیز و تیزهوشی خارق‌العاده بازپرسان به ستوه آمده‌اند.

Причастие *допрашивающих* не переведено, оно заменено именем существительным *базперсан* (дословно: *следователи*), употребленным в исходном тексте, но в сочетании с глаголом *допрашивать*, который дополняет его смысл, и который, по мнению переводчика, не нуждается в дополнительном объяснении.

3. Случаи адъективации. В лингвистической литературе одни исследователи рассматривают любую адъективированную лексическую единицу как прилагательное, другие относят адъективацию к полисемии, считая, что конечный результат адъективации – образование у слова или его

грамматической формы вторичного, «адъективного» значения. К примерам адъективации при переводе можно отнести следующие:

Не укрепляющим, а расслабляющим образом действует послеобеденный сон в душной, сушащей атмосфере, под жужжание мух и комаров.

خواب بعد از ظهر در فضای خفه و خشکی که پر از صدای وز وز مگس ها و پشه هاست، در جسم انسان تاثیر تقویت کننده ای نمی بخشد، بلکه آنرا تضعیف می نماید.

В вышеуказанном примере существует три адъективированных причастия, однако, из них при переводе только два употребляются в форме имени прилагательного, а одно причастие (*расслабляющим*) переводчиком переведено как глагол (*تضعیف می نماید*). Нами зафиксирован пример адъективации, при котором смежность значения причастия явно проявляется:

К пишущим людям не имею чести принадлежать.

افتخار ندارم جزو نویسندگان باشم.

В данном примере, адъективированное причастие при переводе преобразуется в существительное, то есть как бы смешиваются адъективация и субстантивация причастия.

В иных случаях переводчики прибегают к добавлению слов, дополняющих значение адъективированного причастия и, видимо, без этих дополнительных выражений смысл причастия (либо предложения в целом) не передается полностью:

Что-то умоляющее, детское, безропотно терпящее ...

چیزی است آمیخته با التماس، کودکانه و پر از شکیبایی

В ряде случаев адъективации встречается при употреблении возвратных причастий настоящего времени, которые переведены в виде прилагательных.

Продолжал мой герой извиняющимся голосом.

قهرمان کتاب من با لحنی آمیخته با التماس چنین ادامه داد.

Эти аллеи, защищенные от солнца сводом из зеленых, сплетающихся ветвей старушек-лип, знают меня.

این خیابان‌های مشجر که بامی از شاخه‌های بهم پیچیده درختان زیرفون کهنه مانع از تابش اشعه خورشید به داخل آن می‌شد مرا فراموش نکرده.

4. Редкие случаи субстантивации причастий в русском языке также отмечены в нашей работе. При субстантивации причастия получают предметное значение, а большая часть субстантивированных причастий, как мы заметили в изученных произведениях, обозначает людей по их действию.

Это был управляющий графа, Урбенин.

این شخص اوربنین نام داشت و مباشر ملک گراف بود.

Перед вами стоит желающий попасть в начинающие.

در مقابل شما کسی ایستاده است که می‌خواهد وارد جرگه نویسندگان تازه کار بشود.

Из трех приведенных выше примеров субстантивации только два переводятся как существительное: مباشر и نویسندگان. Слово *желающий* переведено как глагол настоящего времени (می‌خواهد), что, пожалуй, можно отнести к случаям неадекватности понятия причастия у переводчика, так как, по нашему мнению, тут можно было бы использовать существительное *داوطلب* или *طالب* вместо глагола, который, в свою очередь, полностью передает смысл субстантивированного причастия.

Полные страдательные причастия прошедшего времени

Формы страдательных причастий прошедшего времени относятся к основным средствам выражения грамматического значения страдательного залога у глаголов совершенного вида. Образованные ими пассивные конструкции широко используются носителями русского языка при необходимости снижения коммуникативного статуса субъекта действия и фокусировке смысловых акцентов высказывания на объекте, над которым производится действие (Бондарко 1976. 48). Трансформационные отношения между формами страдательных причастий и предикативными формами глаголов в пассивных конструкциях отражают контекстуальное изменение

грамматического содержания причастных форм. Выявив корпус семантических и грамматических коррелятов страдательных причастий прошедшего времени, используемых в структурно - семантическом пространстве рассмотренных в данной работе текстов, мы сможем представить интерпретационные характеристики грамматической семантики причастных форм с точки зрения сохранения или, наоборот, утраты в них залогового значения. Полные страдательные причастные формы, включённые в текст, могут быть семантическими и грамматическими коррелятами предикативных форм:

1. образующих возвратных и невозвратных глаголов:

По нашим наблюдениям, данный тип возникает в тех случаях, когда в пассивной конструкции не указан субъект действия, но центральную позицию грамматического подлежащего занимает объект, над которым производится действие. В результате залоговыми коррелятами полных страдательных причастий являются переходные глаголы, используемые в качестве предикатов взаимобратимых залоговых конструкций, которые, при переводе на фарси, выражаются самыми разными частями речи, главным образом неопределенно-личными глаголами и объективированными прилагательными (صفت مفعولی) и, реже, путём адъективации или субстантивации значения страдательного причастия. Однако при трансформации страдательных причастий развертывание в предикативные формы происходит в рамках:

А. одновекторных трансформационных моделей, когда причастие преобразуется в одном направлении:

Молодой человек ..., заброшенный волею судьбы в деревенские дебри, был охвачен чувством тоски, одиночества. → Молодой человек ..., которого забросила воля судьбы в деревенские дебри, был охвачен чувством тоски, одиночества.

غم و غصه، مرد جوان ... را که با ارادهٔ سرنوشت به دورافتاده‌ترین نقاط روستایی پرت شده بود، فرا گرفت.

*Он ... громко выкрикивал фразы, **выученные** им у моего предшественника.*

→ *Он ... громко выкрикивал фразы, которые он **выучил** у моего предшественника.*

طوطی ... با صدای بلند جملاتی را که نزد سلف من آموخته و از بر کرده بود، ادا می‌نمود.

*я, ... прочел всю повесть от начала до слова «Конец», **написанного** размашистым почерком. → я, ... прочел всю повесть от начала до слова «Конец», который **написали** размашистым почерком.*

من ... تمام داستان را از اول تا کلمهٔ «پایان» که با خط کشیده‌ای نوشته شود خواندم.

*Одет он со вкусом и по последней моде в новенький, недавно **сшитый** костюм. → Одет он со вкусом и по последней моде в новенький костюм, который недавно **сшили**.*

مطابق مد روز کت و شلوار خوش دوختی بر تن داشت.

Можно заметить, что эквиваленты страдательных причастий прошедшего времени в большинстве случаев в персидском языке составляют глаголы-связки بودن (чаще прошедшего времени) в сочетании с объективированным прилагательным (صفت مفعولی). Иными словами, переводчики придерживаются значения страдательных причастий в выражении пассива: *зброшений* پرت. Кроме того, *نوشته شود* *написанный*, *از بر کرده بود*, *выученный*, *شده بود*, встречаются также случаи несовпадающих с нашими наблюдениями переводов (по вкусу переводчика): *сшитый* خوش دوخت (в переводе отражено только значение прилагательного).

Б. двухвекторных трансформационных моделей, когда причастие преобразуется в двух направлениях:

*Повесть Камышева не попала в мою газету по причинам, **изложенным** в конце моей беседы с читателем. → Повесть Камышева не попала в мою газету по причинам, которые **излагал** / → по причинам, которые **излагались** в конце моей беседы с читателем.*

داستان کامیشوف به عللی که در آخرین صحبت خود با خواننده محترم توضیح داده خواهد شد، در صفحات روزنامه ام درج نگردید.

Эти аллеи, защищенные от солнца сводом из зеленых, сплетающихся ветвей старушек-лип, знают меня. → Эти аллеи, которые защищаются от солнца сводом из зеленых, / → Эти аллеи, которые защищает от солнца свод из зеленых,

این خیابان‌های مشجر که بامی از شاخه های بهم پیچیده درختان زیزفون کهنه مانع از تابش اشعه خورشید به داخل آن می‌شد مرا فراموش نکرده.

Позвольте, ... сказал я, перелистывая его толстую, исписанную мелким почерком тетрадь. → Позвольте, ... сказал я, перелистывая его толстую, тетрадь, которую исписали / → ... тетрадь, которая исписывалась мелким почерком.

من درحالی‌که دفترچه ضخیمی را که با خط ریزی نوشته شده بود، ورق می‌زدم گفتم: اجازه بدهید ...

В данных выше предложениях развертывание причастных форм идёт в направлении двух (обычно противоположных по видовым или залоговым значениям) глагольно-предикативных конструкций. Однако при переводе упомянутые в начале статьи переводчики не меняют свои принципы и эквивалентами опять являются глаголы-связки بودن (чаще прош. вр.) в сочетании с объективированным прилагательным (صفت مفعولی): *изложенный* نوشته شده بود *и исписанный* و *защищенный* می‌شد *и* *тوضیح داده خواهد شد*.

2. адъективированных причастий: случаи адъективации часто встречаются среди страдательных причастий прошедшего времени и многие из них широко употребляются в русском языке. В нашей работе также зафиксировано немало таких случаев, которые при переводе также являются прилагательными:

Его нежную, чуткую натуру, вероятно, шокировал мой нахмуренный, недовольный вид.

ظاهرا قیافه عبوس و نامطلوب من بر طبع حساس و ظریفش ضربه وارد آورده بود.

Разбитый и облитый потом, я поднялся и пошел к окну.

من خسته و کوفته و خیس عرق از بستر برخاستم و به طرف پنجره رفتم.

Ах, голубчик! — продолжал встревоженный и обрадованный граф.

گراف که هم شاد بود و هم نگران، چنین ادامه داد: او، عزیز دلم!

Как видно, корпус семантических и грамматических коррелятов страдательных причастий прошедшего времени, используемых в структурно-семантическом пространстве художественного текста, весьма разнообразен.

Заклучение

Трансформационное поведение причастных конструкций, их «развернутость» в сторону предикативных конструкций или «замкнутость» на себе, свидетельствует о том, что причастные формы на уровне текста могут функционировать и как «заместители» финитных форм, и как самостоятельные элементы. Характер синонимических отношений между исходной конструкцией и конструкцией - трансформом определяется нами в зависимости от качественных характеристик глагольных предикатов последней. Отношения классической залоговой коррелятивности наблюдаются в том случае, если при преобразовании причастной конструкции вместо причастия вводится предикативная форма образующего глагола с субъектом в позиции первого актанта.

Что же касается перевода, то переводчики, главным образом, придерживаются причастного «характера» (в видовом и залоговом значениях) при их переводе с русского языка на персидский, что, вопреки ожиданиям, свидетельствует о достаточной изученности причастных форм и всестороннего их рассмотрения переводчиками и может обещать нам еще более качественные переводы русской литературы филологами, изучающими в вузах Ирана русский язык как иностранный.

Литература

- 1- Бабайцева В.В. Чеснокова Л.Д. (2003). *Русский язык. Теория (для 5-9 кл.)*. М. : Дрофа.
- 2- Богданов С.И., Воейкова М.Д., Евтюхин В.Б. и др. (2007). *Современный русский язык. Морфология. Препринт (рабочие материалы для учебника)*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ.
- 3- Бондарко, А.В. (1976). *Теория морфологических категорий*. Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. Л. : Наука.
- 4- Булгакова М. (2011). «*Четыре портрета*» и «*Золотые корреспонденции Феропонта Феропонтовича Капорцева*», перевод: Махназ Садри, Тегеран : Нашре Салес.
- 5- Вольнец, Т.Н. (1992). *О некоторых особенностях функционирования причастных форм на уровне текста*. Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філасофія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – № 2.
- 6- Вольнец Т.Н. (2015). *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 г.) / Ред. Коллегия: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова [и др.]*. В 15 т. – Т. 4. Санкт-Петербург : МАПРЯЛ.
- 7- Галкина-Федорук Е.М. (1964). *Современный русский язык (морфология, синтаксис)*. М. : МГУ
- 8- Костомаров В.Г. и Максимов В.И. (2003). *Современный русский литературный язык: учебник*, М. : Гардарики.
- 9- Лекант П.А. и др. (2001). *Современный русский язык. Учебное пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования педагогического профиля*, М. : Дрофа
- 10- Милославский, И. Г. (1981). *Морфологические категории современного русского языка: учеб. пособие*. М. : Просвещение.
- 11- Панов, М.В. (1999). *Позиционная морфология русского языка*. Москва : Наука.
- 12- *Русская грамматика*. (1980). Под ред. Н. Ю. Шведовой, Т.1. М. : Наука.
- 13- Сазонова И. К. (2008). *Толково-грамматический словарь русских причастий*. 3-е изд. М. : АСТ-Пресс.
- 14- Чехов А. (2018). *Драма на охоте*, перевод: Олег Хачатурьян, Тегеран : Эжбатан.

Bibliography

- 1- Babajceva V.V. Chesnokova L.D. (2003). *Russkij jazyk. Teorija (dlja 5-9 kl.)*. М. : Drofa.

- 2- Bogdanov S.I., Voejkova M.D., Evtjuhin V.B. i dr. (2007). *Sovremennyy russkij jazyk. Morfologija. Preprint (rabochie materialy dlja uchebnika)*. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU.
- 3- Bondarko, A.B. (1976). *Teorija morfologicheskikh kategorij*. Akad. nauk SSSR, In-t jazykoznanija. L. : Nauka.
- 4- Bulgakova M. (2011). «*Chetyre portreta*» i «*Zolotyte korrespondencii Feraponta Ferapontovicha Kaporceva*», perevod: Mahnaz Sadri, Tegeran : Nashre Sales.
- 5- Volyneec, T.N. (1992). *O nekotoryh osobennostjah funkcionirovanija prichastnyh form na urovne teksta*. Vesn. Belarus. dzjarzh. un-ta. Ser. 4, Filasofija. Zhurnalistyka. Pedagogika. Psihologija. – № 2.
- 6- Volyneec T.N. (2015). *Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury: materialy VIII Kongressa MAPRJaL (g. Granada, Ispanija, 13-20 sentjabrja 2015 g.) / Red. Kollegija: L.A. Verbickaja, K.A. Rogova, T.I. Popova [i dr.]*. V 15 t. – T. 4. Sankt-Peterburg : MAPRJaL.
- 7- Galkina-Fedoruk E.M. (1964). *Sovremennyy russkij jazyk (morfologija, sintaksis)*. M. : MGU
- 8- Kostomarov V.G. i Maksimov V.I. (2003). *Sovremennyy russkij literaturnyj jazyk: uchebnik*, M. : Gardariki.
- 9- Lekant P.A. i dr. (2001). *Sovremennyy russkij jazyk. Uchebnoe posobie dlja studentov uchrezhdenij srednego professional'nogo obrazovanija pedagogicheskogo profilja*, M. : Drofa
- 10- Miloslavskij, I. G. (1981). *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo jazyka: ucheb. posobie*. M. : Prosveshhenie.
- 11- Panov, M.V. (1999). *Pozicionnaja morfologija russkogo jazyka*. Moskva : Nauka.
- 12- *Russkaja grammatika*. (1980). Pod red. N. Ju. Shvedovoj, T.I. M. : Nauka.
- 13- Sazonova I. K. (2008). *Tolkovo-grammaticeskij slovar' russkih prichastij*. 3-e izd. M. : AST-Press.
- 14- Chehov A. (2018). *Drama na ohote*, perevod: Oleg Hachatur'jan, Tegeran : Jekbatan.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Mehrabi Qaysar (2023). ABOUT THE RATIO OF PREDICATIVE AND FULL PARTICIPIAL FORMS OF RUSSIAN VERBS AND THE METHOD OF THEIR TRANSMISSION INTO PERSIAN. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 183-202.

DOI: 10.52547/iarll.22.10

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/284>

رابطه صفتهای فعلی کامل و صورت‌های گزاره‌ای افعال متناسب با آنها در زبان روسی و نحوه بیان آنها در فارسی

قیصر مهربانی^{*۱}

استادیار گروه زبان روسی، دانشکده ادبیات، دانشگاه الزهراء(س)،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۲۳)

چکیده

رابطه صورت‌های گزاره‌ای افعال و صفتهای فعلی در زبان روسی، هنگام به‌کارگیری در متن، شکل‌های متنوعی را نشان می‌دهند؛ این صورت‌ها به برقراری ارتباط بین سطوح زبانی کمک شایانی می‌کند. مقاله حاضر به بررسی جایگزین‌پذیری ساخت‌های صفتی افعال با ساخت‌های گزاره‌ای متناسب با آنها در زبان روسی و معادل آنها در فارسی می‌پردازد. همچنین سعی خواهد شد توضیح کاملی از امکان تبدیل ساخت‌های صفت فعلی به ساخت‌های گزاره‌ای دارای فعل متناسب با آن، با توجه به شرایط درون‌متنی‌شان، بسته به کاربردشان ارائه گردد که در نتیجه این امر، تصویری از معادل‌های احتمالی شکل‌های معلوم و مجهول صفت‌های فعلی کامل روسی در انواع مختلف کاربردهای دستوری‌شان در ترجمه فارسی آنها پدیدار گردد. انجام چنین تبدیلات و بررسی جایگزین‌پذیری ساخت‌های صفتی افعال با ساخت‌های گزاره‌ای متناسب با آنها، در کلاس‌های درس «زبان روسی برای غیر روس‌زبانان» به زبان‌آموزان کمک می‌کند تا به درک بهتری از معنای صفت فعلی و ساخت‌های دارای صفت فعلی برسند؛ به این ترتیب فهم معنای دستوری ساخت‌های اولیه دارای صفت فعلی (قبل از تبدیل) برای آنها آسان‌تر خواهد بود.

واژگان کلیدی: زبان روسی، زبان فارسی، ساخت‌های دارای صفت فعلی، ساخت‌های گزاره‌ای دارای فعل، روابط نحوی هم‌ارز، زبان روسی برای غیر روس‌زبانان، مطالعات تطبیقی.

1. E-mail: qmehrabi@alzahra.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9150-0091>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی